

ОТЗЫВ

**о диссертации Мажитовой Жанны Сабитбековны «ИНСТИТУТ БИЕВ
В РОССИЙСКОЙ И КАЗАХСТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:
КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ (XVIII – НАЧАЛО XXI ВВ.)»,**

представленной на соискание ученой степени доктора наук по
специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Современная историографическая ситуация на территории бывшего СССР характеризуется сложным переплетением традиционных для советского периода подходов и методик с противоречивыми попытками внедрения зарубежных теоретико-методологических принципов и приемов. Наряду с организационной перестройкой научных институтов и взаимосвязей это вносит существенные трудности в исследовательский процесс, прямо и опосредованно отражается на проблематике и качестве научных трудов, развитии научной среды и сотрудничестве историков постсоветских стран.

В этом контексте представленный на защиту труд Ж.С. Мажитовой является пример востребованного в интернациональном научном сообществе исследования. В нем предпринята актуальная в научном и прикладном отношении попытка сравнить достижения российской и казахстанской историографии за XVIII – начало XXI вв., что позволяет выделить цельные в институциональном и политическом плане отрезки, показать взаимосвязи, общее и отличное каждого из них. Выбор историографии института биев как объекта изучения также является весьма актуальным, поскольку правовые механизмы регулирования внутриэтнических отношений составляют одну из важнейших частей всей социальной организации традиционных обществ. Сама фигура бия в социально-политической системе, общественном сознании, повседневной жизнедеятельности и этнокультурной динамике казахов играла исключительную роль. К тому же, в современных условиях этнический ренессанс существенно повысил интерес ученых и общественности к изучению и использованию национальных компонентов в модернизации всех государственных институтов и правовых инструментов. Да и компаративизм как методология, положенная в основу диссертационной работы Ж.С. Мажитовой, подтверждает ее злободневность, поскольку такой подход дает дополнительные творческие возможности и отвечает современным потребностям историографии.

Соискатель квалифицированно формулирует предмет своего исследования и верно отмечает необходимость уточнить наиболее важные в его рамках определения терминов, в т.ч. «суд биев» и «институт биев». Стоит согласиться с авторской позицией по поводу различий в этих понятиях, позволившей провести содержательный анализ достижений отечественной дореволюционной, советской и современной российско-казахстанской историографии проблемы. Хронологические и территориальные рамки,

теоретические и методологические основы исследования заявлены в соответствии с избранной тематикой и логически выводятся из степени ее изученности. Как правило, данный раздел диссертации по историографии представляет понятную сложность для исследователя истории научной мысли, тем не менее, он выполнен на должном уровне и позволил Ж.С. Мажитовой доказать необходимость специального комплексного историографического исследования проблемы института биев.

Не вызывают возражений формулировка цели и задач диссертации, а также выбор и систематизация ее источников по трем основным группам в связи с задачами работы. В то же время, некоторая неопределенность просматривается в постановке задачи «дать компаративный анализ зарубежной историографии по теме» (с. 23), поскольку автор не уточняет – относится ли к нему научный багаж бывших советских республик и каких именно (в данном случае – РФ или РК), или в качестве зарубежной рассматривается историография т.н. «дальнего зарубежья»? Сама тема исследования ограничивает интересы соискателя двумя странами, выросшими из одного «государственного корня» (Российская империя-СССР).

Вполне адекватно определена научная новизна диссертации. Прежде всего она состоит в том, что впервые в российской и казахстанской исторической науке – двух исторически и географически связанных ветвях мировой историографии, где наиболее предметно занимались судом и институтом казахских биев, – проведено историографическое исследование института биев с использованием широкого круга архивных источников. Это предопределило другие признаки научной новизны и практической значимости труда Ж.С. Мажитовой, которые указаны в диссертации. Положения, выносимые на защиту, логически увязаны с установкой соискателя на комплексное и системное выявление основных достижений, общности и стадияльной специфики теоретико-методологических подходов, а также конкретно-исторических сюжетов в изучении одного из важных социально-правовых институтов казахского кочевого социума.

В структурную основу исследования правомерно положены проблемно-хронологический и системный подходы. Первую главу диссертант посвятила сравнению теоретико-методологических основ историографии проблемы на протяжении трех последовательно развивавшихся периодов историографии сначала в одном государстве – Российской империи и СССР, и современного, который представляет собой объединенные усилия ученых двух стран – России и Казахстана. Применительно к дореволюционному периоду обращается внимание на взаимосвязь непосредственных государственных мероприятий по инкорпорации обширного региона в общеимперское соционормативное пространство с потребностями научного осмысления традиционных юридических практик казахов. В связи с этим классификация подходов увязана с политическими предпочтениями либералов и государственников,

когда учеными по необходимости выступали администраторы и законодатели.

Одной из сложных задач оказалась характеристика трансформации концептуальных основ советской историографии. С одной стороны, здесь неизбежной становится привязка к общим, в целом согласованным в научном сообществе, оценкам данного периода. С другой стороны, конкретные задачи исследования подвигли Ж.С. Мажитову на вычленение тех нюансов и деталей политического контекста, которые определяли целеполагание и динамику подходов к изучению и оценке обычного права и социальных регуляторов казахского общества. Применительно к институту биев, как показано в диссертации, это связано не только с эволюционной основой инструментария советских историков, но и с идеологически предопределенными модификациями в трактовке понятия «бий», социальной (классовой) и культурной роли традиционного права, его носителей и ретрансляторов. К тому же, как признает автор, накопленный конкретно-исторический потенциал советской историографии оказался достаточно ценным наследием для современных ученых.

К сожалению, в работе не показано, в чем выразились разрывы и преемственность в теоретико-методологических основах двух значительных по длительности и содержанию историографических периодов (дореволюционного и советского). При этом в оценке современной историографии с точки зрения ее теоретического и концептуального переоснащения автор обращает внимание именно на такие явления. Они наблюдаются в разнообразии подходов – эволюционного, цивилизационного, социально-антропологического и других, в умножении ракурсов и предметных областей изучения обычного права, правовой культуры и социальной организации кочевников на примере суда биев, а также в обогащении инструментария и приемов взаимодействия историков разных школ и стран.

Во 2-й главе рассматривается дореволюционная историография происхождения и реформирования правовой системы казахов, а также научные оценки суда биев в качестве регулятора конфликтов в степи. Здесь удалось показать, как при постепенном накоплении эмпирического материала (в работе приводятся интересные сведения о процессе и методах сбора данных, ставших затем источниковой основой) и одновременном продвижении власти в сфере реформы судебной-правовой системы у казахов к началу XX в. произошли качественные сдвиги в осмыслении проблемы. Практические задачи укрепления государственной системы на окраинах, в т.ч. в Степи, стимулировали научное изучение системы судопроизводства у кочевников. Несмотря на противопоставление доминирующих дискурсов, установленное в диссертации, важно отметить, что заслуга досоветской историографии, в частности, – в выделении двух наиболее важных и взаимодополняющих сторон суда биев: их морально-нравственные качества и авторитет наряду с имущественным статусом и местом в этносоциальной иерархии как факторы формирования судебной власти. Анализ

взаимодействия этих факторов тогда вряд ли мог стать специальной исследовательской задачей.

Соискатель предлагает противоречия в современной трактовке изучаемых вопросов соотносить с влиянием научного наследия первого периода историографии суда биев. При этом стоило бы, вероятно, уточнить, как именно дихотомия «романтического» и «рационального» подходов идеологии Просвещения проявляется в современных исследованиях, к примеру, в противоречии (взаимосвязи) между «имперским» и «национальным». Рассматривая дискуссии вокруг пределов и смысла реформирования суда биев в XIX – начале XX вв., соотношении адата и шариата как практических компонентов нормативного плюрализма, Ж.С. Мажитова обращает внимание не только на различия в позиции чиновников разного уровня, но и на полемику в среде национальной интеллигенции. Впрочем, в этой части исследования акцент сделан не столько на движении научной мысли, сколько на развитии прикладных разработок, что несколько отдаляет автора от непосредственного объекта изучения. Весьма актуальным и детальным является анализ историографии роли биев в разрешении всевозможных конфликтов, в формировании оригинальных правовых регуляторов и правовой культуры кочевников.

В 3-й главе диссертант опирается на утвердившуюся периодизацию советской историографии, применяя апробированные наработки современных ученых в оценке общих трендов и ключевых механизмов советского историописания. По необходимости привлекаются фактические сведения о революционных преобразованиях в судебно-правовой сфере, хотя в целом фактографический материал нередко перегружает текст и сужает рамки прямых задач автора. В то же время сделан акцент на том, как приоритеты классовой оценки миропорядка и рычагов его переустройства предопределяли подходы к изучению конкретной проблемы и отдельных ее сторон. При этом показано, что объективная связь с дореволюционным научным наследием, в т.ч. персонифицированная трудами ряда серьезных ученых, постепенно утрачивалась, а идеологическая монополия сужала их творческие возможности. Между тем, как верно отмечается далее, появился ряд трудов, где, несмотря на политический контроль, проводился «обстоятельный источниковедческий разбор письменных источников, введение в научный оборот неопубликованных архивных материалов ..., желание отойти от описательности при изложении событий и представить их в причинно-следственных связях, в синтезе разнохарактерных исторических данных» (с. 245). Новым фактом казахстанской советской историографии, как подчеркивает автор, стало влияние растущего этнического самосознания, обусловившее новый интерес к фольклору, ораторскому искусству, биографиям выдающихся представителей этноэлиты, в число которой, несомненно, входили бии. Ж.С. Мажитова детально изучила те нюансы известной полемики ученых 1950–1980-х гг. о природе кочевого общества и его экономики, которые прямо или косвенно имеют отношение к теме исследования. К сожалению, увлеченность характеристикой длительной и

противоречивой истории изучения проблем собственности у казахов-кочевников не позволила соискателю сделать в данной главе вывод о том, как именно наработки советских историков по этому поводу повлияли на представления о суде биев в системе отношений собственности и социальной организации кочевого общества.

Заключительная глава диссертации охватывает хронологически небольшой, но весьма насыщенный историографическими событиями период. Как считает Ж.С. Мажитова, историография РФ и РК обогатилась междисциплинарными исследованиями и разнообразием тематики, связанной с институтом биев, а также закономерным переосмыслением предшествующих достижений. В результате к заслугам историков новейшего времени относится изучение принципов устройства суда биев, а также структурной организации бийства и его атрибутов. Так, перспективной является конкретизация уровней власти биев и их значения не только в системе судопроизводства, но и в самой культуре, в ходе консолидации этнического самосознания и во внутренней упорядоченности многослойной, сложно организованной конструкции казахского народа. В работе к тому же выделены наиболее дискуссионные и значимые для прогресса научной мысли проблемы, которые находятся в центре внимания современных казахстанских и российских ученых. Понятно, что, к примеру, «золотой век» в истории казахского правосудия стал одной из таких проблем не только потому, что вся современная постсоветская историография перегружена мифами о древнем и славном прошлом народов бывшей Российской империи-СССР. В то же время, «внешний» импульс, который получили историки для изучения этого вопроса в последние 25 лет, оказался полезным, как показано в диссертации, в том числе при переосмыслении казахстанскими историками преемственных основ науки и самого прошлого со всеми предшествующими периодами историографии.

Важно, что соискатель рассматривает обновление историографии суда биев на современном этапе в контексте достижений империологии. В частности, выделены сюжеты, касающиеся позиции центральной власти в отношении народных обычаев и институтов, а также пределов контроля и влияния центра на деятельность судов биев и их регулиующую роль в казахском социокультурном ландшафте. В конечном счете, как показала диссертант, исследователи благодаря анализу этих и других вопросов продвинулись в более точном понимании того, как государственная политика противоречиво влияла на общественные устои и повседневную жизнь казахов, трансформируя все общество и изменяя систему взаимоотношений, статус и роль наиболее важных социальных групп и политических институтов в нем. В диссертации сделан важный вывод: «Исследователи на основе объективно-критического подхода к истории казахско-российских отношений, используя большой фактологический материал, воссоздали картину социально-политических и правовых изменений казахского общества в пореформенный период. Они обратили особое внимание на безвозвратную трансформацию традиционных институтов власти и то

негативное влияние, которое оказал этот процесс на мироощущение кочевого народа» (с. 355). Впрочем, как следует из последующего анализа, и в советское время адаптация традиций, в т.ч. правовых, к новым социальным условиям, также имела противоречивый характер и последствия. В этом, в частности, автор предлагает убедиться на примерах этнографического изучения современных фактов самоорганизации казахов российских регионов. Однако, не ясно, а) происходит ли на деле возрождение традиций суда биев в нынешнем самоуправлении казахов, особенно в РК, и б) входят ли эти вопросы в сферу внимания казахстанских ученых?

Заслугой соискателя является анализ степени изученности вопроса о том, как «через свои функциональные прерогативы бии участвовали в решении внешне- и внутривнутриполитических вопросов Казахского ханства», тем самым активно влияя «на управление казахским обществом в целом» (с. 368). По мнению Ж.С. Мажитовой, современные историки и правоведы показали, что бии воплощали своеобразный механизм социально-политического объединения социума и рассматривают институт биев как один из инструментов урегулирования внутри- и внешнеполитических вопросов Казахского ханства (с. 373, 380). Вместе с тем она установила лакуны и спорные позиции в изучении данных вопросов, чем вносит свой вклад в дальнейшее развитие историографии проблемы. В диссертации также обобщаются актуальные итоги комплекса новейших историко-биографических работ, получивших особую популярность в казахстанском научном сообществе.

Говоря об изучении роли биев в сохранении национального наследия, диссертант останавливается на ораторском искусстве и фольклоре как важных компонентах народной философии, включенных в поле зрения филологов, философов, культурологов, журналистов в контексте общего роста популярности этнокультурных традиций и символов. Здесь особенно ярко демонстрируется междисциплинарный характер самого предмета изучения. Следовало бы, однако, вычлнить, в какой степени именно исторические исследования данного ракурса истории биев и суда биев способствуют качественному прогрессу научного знания.

Автор не обошла вниманием и западную историографию темы. Продолжая методологическую и хронологическую линию в анализе степени ее изученности европейскими и американскими историками, она вносит полезный вклад в стимулирование новых поисков и обобщение тематической и жанровой специфики их исследований. Они, как известно, раньше стали заниматься не самыми распространенными в отечественной практике сюжетами и вопросами – история территорий, в т.ч. в формате отношений центра и периферии, социальная и микроистория, трансформация идентичности и этнической культуры, толерантность и протест в ее отношениях с имперской властью и др. Такой обзор позволил диссертанту показать возможные перспективы в развитии российской и казахстанской историографии в условиях интенсификации международных контактов историков. Более того, суммируя весь массив изученного

историографического багажа, она предложила различные и в целом эвристические направления дальнейшего развития исследований.

В то же время, наряду с уже высказанными замечаниями, представляется важным в контексте дальнейшего более глубокого анализа всех аспектов изучаемой проблематики обратить внимание на некоторые вопросы, в том числе:

– Изучена ли в историографии разных периодов и в какой степени роль института биев или его отдельных представителей как посредников в отношениях кочевого социума с новой администрацией и ее структурами, в сосуществовании имперской и традиционной систем права на разных этапах истории Степи в составе Российской империи?

– Как можно оценить характер взаимосвязи между российскими авторами и казахскими интеллектуалами конца XIX – начала XX вв., между их интерпретациями и подходами к истории и состоянию суда биев? Насколько интенсивными они были и какое имели направление? Строго говоря, в дореволюционный и советский периоды в науке не было разделения на две географические ветви, поскольку независимо от этнической привязки законодатели, администраторы разного уровня, общественные деятели и собственно ученые являлись гражданами одной страны, а казахские авторы вряд ли отделяли себя от единого государственного пространства. Более того, лишь в советское время благодаря интенсивным усилиям власти во всех национально-государственных образованиях были созданы крепкие и успешные научные коллективы, неразрывно связанные с «имперским» центром. Очевидно, с этим тема диссертации вызывает некоторое замешательство, хотя ее обоснование и само содержание в целом вносят определенность и оправдывают позицию автора.

– В чем причины недостаточного внимания современных российских историков (за небольшим исключением) к тем аспектам становления и функционирования суда биев как символа казахской государственности, которые анализируются в диссертации? В частности, в чем состоят отличия и точки пересечения в подходах и тематических интересах ученых РК и РФ применительно к изучаемым вопросам?

Впрочем, названные вопросы и замечания имеют характер пожеланий, а общая положительная оценка диссертации представляется бесспорной.

Жанна Сабитбековна Мажитова подготовила солидный, квалифицированный, отличающийся научной новизной, практической значимостью и завершенностью в рамках поставленных задач, цельный и комплексный труд. Он отличается умелым применением методов классификации и систематизации, аналитичностью и доказательностью, логически выверенной связью структурных компонентов, фактов, аргументов и выводов. Выносимые на защиту положения получили убедительное обоснование, документальное и фактологическое подкрепление во всех главах диссертации. Основные положения, выводы и материалы исследования получили необходимую апробацию в публикациях автора и

отражены в автореферате диссертации. Диссертация и автореферат оформлены в соответствии с установленными нормами и отвечают требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, а ее автор Мажитова Жанна Сабитбековна заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Официальный оппонент,
доктор исторических наук,
профессор, ведущий научный
сотрудник Центра изучения
истории народов России и
межэтнических отношений
Института российской
истории РАН

Д.А. Киселева

Место работы: Центр изучения истории народов России и межэтнических отношений ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

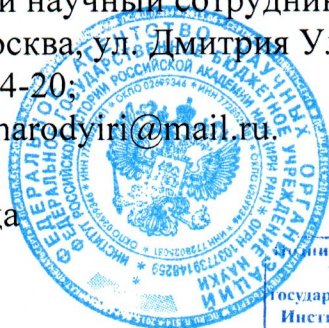
Должность: ведущий научный сотрудник

Адрес: 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19;

телефон: (499)-126-94-20;

электронный адрес: narodyin@mail.ru

20 сентября 2016 года

Я, Киселева удостоверяю
Ученый секретарь Федерального
государственного бюджетного учреждения науки
Института российской истории Российской
академии наук
«21» сентября 2016 г.